

СОНАТА
ДЬЯВОЛА

- [Катюль Мендес](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Катюль Мендес

Жизнь и смерть одной танцовщицы

В двенадцать лет синьорина Мариетта Даль'Оро танцевала на сцене неаполитанского театра Сан-Карло сильфид и бабочек. Как ни удивительно, но у нее совсем не было того болезненного вида, которым отличаются обычно балетные девочки ее возраста, все эти хилые заморыши, смутно тоскующие по солнечному свету, по полям и лугам среди мертвящего, искусственного мира, из которого они рвутся прочь. В Мариетте, преждевременно созревшей, жил такой внутренний огонь, что он вполне возмещал отсутствие внешних условий, необходимых для физического развития. Она с детства привыкла взбираться на кулисы и декорации и греться в лучах солнца, изображенного на театральном заднике. С белым шиповником в волосах, в розовом креповом платье, вся белая, вся розовая, являла она публике свои еще полудетские, но уже пухлые плечики; ее руки, хотя, может быть, еще слишком тонкие, ничем не напоминали девичьих угловатых рученок и острых локотков ее сверстниц. Она обращала на себя внимание своими сильными, словно у калабрийского жеребенка, ногами и крепкими, мускулистыми бедрами.

Служил в театре некий Гульельмо Тирадритто, знаменитый в свое время танцор, который еще в пору расцвета своей славы ненароком сломал правую ногу, перелезая через стену женского монастыря в Болонье, вследствие чего жестоко хромал и был обречен на костыли до конца своих дней; однако и с одной ногой он способен был достичь большего, чем иной с двумя. Благодаря его советам Мариетта, которая поистине рождена была с крыльями на пятках, превратилась в превосходную танцовщицу и стала пользоваться шумным успехом; к тому же ее созревающая женская плоть, которой еще не совсем изжитая детскость придавала особую прелесть, рождала вожделение — появились многочисленные поклонники. В дело вмешалась ее мать, незаметная фигурантка и неутомимая сводня, которая немедленно принялась отваживать тех, кто был победнее и недостаточно родовит. Генерал Фримон, князь Антордокко, главнокомандующий австрийскими войсками в Италии^[1], преподнес танцовщице драгоценный убор стоимостью в семь тысяч фридрихсдоров, а герцог Салернский, брат короля Фердинанда^[2], в подпитии не раз клялся в том, что готов сочетаться с синьориной Мариеттой Даль'Оро морганатическим браком. Было от чего

закружиться головке у маленькой танцовщицы; она и в самом деле у нее закружилась, но самым неожиданным образом: в один прекрасный день Мариетта бежала с неким юнцом из Палермо, у которого не было за душой и тридцати пиастров и который промышлял тем, что кропал стихотворные комедии.

Целых полгода эти двое детей, вместе с последовавшим за ними Тирадритто, скрывались в одном из предместий Катании у подножия Сицилийских гор. Это было сияющее утро их любви, любви, полной улыбок и взаимной нежности. Синьорина впоследствии всегда с умилением вспоминала этого бедняжку Лоренцо, у которого были такие огромные глаза и который писал такие чудные сонеты.

В начале зимы ей вдруг вздумалось отправиться танцевать ко двору герцога Модены. Это была уже совсем не та малютка Мариетта, которой рукоплескали завсегдатаи театра Сан-Карло. Из рано созревшего подростка родилась молодая женщина. Ее губы, налившиеся кровью под поцелуями Лоренцо, теперь ярче выделялись на белоснежном лице, а в глубине глаз еще трепетали отсветы страсти. В ее танце, прежде слишком простодушном и по-детски нетерпеливом, теперь появилась какая-то округлость, изнеженность, сладострастность; казалось, будто тело ее в опьянении танцем источает из себя горячее пламя; и движения ее были словно воспоминанием о любовных объятиях, о бесконечно длящихся ласках, ответной дрожью отзываясь в зрителях и доводя их до неистовства. Герцогство Модены пришло в полное смятение. Сам Франческо д'Эсте^[3] собственной персоной однажды поздним вечером, без всякой свиты, в маске постучался у дверей синьорины. И дабы убогатить его высочество, она превзошла самое себя, исполнив перед ним босиком забытую пантомиму, секрет которой некогда подсмотрела ее мать еще в те времена, когда была причастна к интригам двора Обеих Сицилий, — то сладостное па-де-шаль, что танцевала мисс Эмма Гарт в облике богини Гигии и о котором, будучи уже леди Гамильтон^[4], она вспоминала на интимных вечерах королевы Каролины Марии. Франческо IV, ошалев от восторга, обещал завтра же вечером посетить ее снова. Однако на рассвете следующего дня синьорина упорхнула вместе со своим верным Тирадритто.

Довольно долго жила она во Флоренции, откуда ее слава постепенно распространилась по всей Италии. Театр «Ла Скала» едва не разорился, заключая с ней контракт, а заключив его, сказочно обогатился. Но как раз тогда началась ее нежная связь с одним членом высокой венты

Алессандрини^[5], и в дальнейшем, чтобы обозначить время своего пребывания в Милане, она имела обыкновение говорить наподобие одной воспетой поэтами принцессы: «Когда я была республиканкой...» Однако увлечения синьоры Даль'Оро не отличались постоянством: вопреки всем уговорам Тирадритто, который по-прежнему таскался за ней из города в город, все больше и больше хромая, она, заплатив импресарио неслыханную сумму неустойки, расторгла договор с «Ла Скала» и вернулась в Неаполь, где только что скончалась ее мать. Оплакав ее, Мариетта ударилась в политику и, поскольку теперь была связана с маршалом Радецким^[6], заступившим место князя Антордокко, она стала сторонницей абсолютизма. «Когда я была австриячкой...» — говорила она впоследствии об этой поре своей жизни. Танцевать в театре Сан-Карло она не пожелала: ей не по вкусу были зеленые трико, в которых танцевали в то время балерины, ляжки в них были похожи на пальмовые стволы; синьорина была сторонницей розовых. Однако после трех лет томного безделья и нескольких никому не ведомых любовных связей страсть к сцене, эта безжалостная мучительница, заставила ее подписать ангажемент с Ковент-Гарденом. Лондонские туманы навеяли на нее такую тоску, что она чуть не сошла с ума; несмотря на радости театральной жизни, она всю зиму предавалась сплину и в надежде на разнообразие вышла замуж за сэра Уильяма Кэмбелла. Когда перед свадебным обрядом ее головку стали украшать миртовыми цветами, она вдруг фыркнула. «Чему вы смеетесь, миледи?» — с важным видом спросил ее супруг. «Я просто вспомнила, что точь-в-точь такие веночки на меня напяливали когда-то в третьем акте в тех балетах, где Коломбина выходит за Арлекина». Медовый месяц не принес Мариетте ничего, что хоть сколько-нибудь могло ее развлечь: к сэру Уильяму она с самого начала испытывала полнейшее равнодушие; двое или трое случившихся в ту пору любовников почти не затронули ее чувств, и в одно прекрасное утро, поспешно уложив чемоданы, миледи Кэмбелл отбыла на пароходе, идущем в Дувр, к вящей радости Гульельмо Тирадритто, чье сердце под ливреей старшего дворецкого все это время изнывало от тоски и который целыми днями только и делал, что напевал мелодии старых балетов, отбивая такт своим костылем.

Парижские поэты еще и поныне помнят Мариетту Даль'Оро, эту обольстительную балерину с губами цвета спелого граната, которая словно швыряла им в лицо пригоршни солнца и в вальсе из «Жизели» кружилась в бешеном темпе неаполитанских тарантелл. За одну неделю синьорина успела стать знаменитостью и истой парижанкой; у нее появилось все, что

полагается иметь парижанке: и роскошные экипажи, и слуга-негр, и барон де Шальми, который ради нее вконец разорился, и ложа в театре «Буфф» в те вечера, когда у нее самой не было спектакля. Но все были того мнения, что она слишком уж близко принимает к сердцу судьбу некоего шведского музыканта, который посвятил ей польку-мазурку и умирал от чахотки. В самом деле, то была прегрустная страничка в ее радостной жизни. Она, такая любительница приключений, всерьез влюбилась в этого юного иностранца, ласкового, словно больное дитя, так спокойно смотревшего в глаза надвигавшейся смерти. Когда он умер, она горько плакала. И как раз в этот момент газеты сообщили о кончине сэра Уильяма Кэмбелла, который одним октябрьским утром кончил свои дни, повесившись на кипарисе; это случилось как нельзя более кстати: смерть супруга позволила ей надеть траур по возлюбленному. Но траурные наряды снашиваются быстро. И снова принялась синьора кружить по белу свету. В Германии ей выпала честь несколько раз встретиться с графиней Морганой де Полеастро — то было мимолетное знакомство, каприз светской дамы, снизошедшей до знакомства с куртизанкой. Танцевала она в Вене, затем в Мадриде, затем в Лиссабоне, танцевала все с тем же неистовством, все такая же безудержно веселая, подобная бубенчику на колпаке шута, все еще юная вопреки быстротекущему времени, почти совсем такая же, как маленькая Мариетта из театра Сан-Карло, и в тысячу раз более обворожительная. Да неужто же в самом деле ей стукнуло уже сорок лет? Это немножко ее беспокоило. Она получила приглашение в Санкт-Петербург, разорила там владельца платиновых приисков, отпустила на волю сотню крепостных, вновь появилась в Испании и вновь возвратилась в Россию. Но в Москве она чуть было совсем не замерзла, затосковала по солнцу и помчалась в Италию. И там, в Ферраро, на бульваре, она повстречала беднягу Лоренцо, который с трудом сводил концы с концами, пробавляясь сочинениями оперных либретто и балетных сценариев.

Его нищенская жизнь совсем отбила у него память о прошлом. «Я старик», — говорил он и почти уже не помнил ни театра Сан-Карло, ни предместья Катании у подножия горы Джибелло. Да и сама Мариетта соглашалась с тем, что все это было уже очень давно. Что касается Тирадритто, то и он порядком приустал. И она решила покинуть сцену, решила сразу, без колебаний. Только изредка, когда не было горничной в комнате, позволяла себе теперь потанцевать перед зеркалом. Уйдя из театра, она возобновила знакомство с бароном де Шальми и, списавшись с ним, переехала во Францию, где и поселилась под именем леди Кэмбелл.

Прошло пять лет. Однажды зимним вечером отставная балерина,

несколько, впрочем, не утратившая своей красоты и кокетливости, в своем прелестном маленьком особняке на улице Мариньи, напоминающем охотничий домик фаворитки своими цветными стеклами и легкими балкончиками, украшенными бенгальскими пальмами и китайскими кактусами, стояла у себя в будуаре между двумя зеркалами — горничная надевала на нее розовое крепкое платье и украшала голову цветами белого шиповника; однако де Шальми, который должен был в тот вечер прийти, не пришел. Собственно говоря, он предупредил об этом письмом, в котором уведомлял ее, что не придет уже никогда. Чем же он это объяснял? Тем, что ему уже шестьдесят лет. «Это только предлог!» — с сердцем сказала Мариетта, которой было пятьдесят. С уходом барона она оставалась без средств к существованию. Вернуться в театр? Несколько морщинок, неумело замаскированных с помощью белил, сбегались от ее виска к ямочке у внешнего угла глаза, напоминая собой расходящиеся лучами складки веера; кожа на шее, некогда столь ослепительно белая, а теперь цвета слоновой кости и старых кружев, спереди слегка выпячивалась вперед, будто бы стянутая двумя невидимыми глазу параллельными нитями; к тому же она стала несколько грузноватой, с уже расплывающимися формами. Но эти первые приметы разрушительницы-старости скорее преобразили ее красоту, нежели ее уничтожили. Появилась в ней некая чарующая томность, усталая грация, истомная обольстительность чего-то, чего скоро уже не будет, как прежде когда-то в ней было пронзительное очарование того, чего еще нет. И при взгляде на нее невольно приходило на ум сравнение с роскошной свежей розой, к благоуханию которой смутно примешивался бы тот печальный аромат, что источает цветок, сохранившийся меж страницами книги. Да и к тому же в ней отнюдь не умерла артистка: она жестоко страдала, лишившись беспокойных радостей постоянных переездов и любовных встреч; ей мало было одних воспоминаний; на нее находили минуты плохо сдерживаемого возмущения; в те часы, когда в былые времена она отправлялась в театр, ее охватывала та особая ностальгия, что заставляет сидящую в клетке пичужку трепетать крылышками в пору перелета птиц. Комната, которую она предпочитала всем остальным, с ее лиловыми обоями, вычурной мебелью, валяющимися повсюду пестрыми тряпками, с огромным высоким зеркалом, потрескавшимся по углам, и затерянной на этажерке баночкой румян напоминала собой театральную уборную, ей стоило большого труда удерживаться от тех вульгарных выражений, которыми было принято обмениваться за кулисами; она никогда не могла бы отвыкнуть от внезапных «тыканий»; и когда ей случалось на каком-нибудь балу артистов

танцевать кадрили, длинная юбка по странной аберрации понятий смущала ее, как нечто непристойное.

Она вернулась в Оперу, и в течение трех лет все шло превосходно, ибо у нее был фельетонист, я имею в виду любовник, который каждую пятницу запирался у себя, чтобы исписать двадцать четыре страницы для одной газеты, каждый понедельник печатавшей его фельетоны. Но фельетонист носил парик. И во время ссоры из-за некоей малютки из кордебалета, чьи юные прелести он превознес в своем фельетоне, Мариетта сорвала с него парик и бросила к ногам соперницы. Не стерпев унижения, фельетонист, которому было известно, сколько его любовнице лет, упомянул о ее возрасте в печати, и, когда кончился театральный сезон, с ней не возобновили контракта. На свое счастье, выходя на аплодисменты, она иной раз с авансены посылала улыбки одному сочинителю водевилей, и тот устроил ее в театр Порт-Сен-Мартен. Здесь она свела знакомство с некоей фигуранткой из кордебалета, существом, развращенным до мозга костей, и поселила ее в своем особняке на улице Мариньи, а когда та наделала долгов ради какого-то певца из кафешантана, Мариетта, чтобы выручить ее, продала свои бриллианты; однако она тут же приобрела себе другие, за которые не уплатила. Опасаясь, как бы в результате не наложили арест на ее мебель, она переписала на эту подругу все свое недвижимое имущество, и та в один прекрасный вечер выставила ее за дверь, обругав «старой идиоткой». Мариетта горько плакала: ведь это в первый раз ее назвали старой. Вместе с верным Тирадритто, который неотлучно все это время был при ней, она переехала жить в гостиницу.

В театре Порт-Сен-Мартен она успеха не имела; тем не менее один первоклассный театр предложил ей второстепенную роль в новом балете. Она отказалась и, чтобы иметь средства к существованию, продала те самые бриллианты, за которые еще не было уплачено. Но ее вызвали в суд, ей пришлось эти деньги возвратить, и она согласилась уже на третьестепенную роль во второсортном театрике. После тридцати представлений, не имевших никакого успеха, ее оттуда уволили, сказав, что у нее слишком толстые бедра. Это был ужасный удар. Ведь она была знаменитой артисткой. Но ей было уже пятьдесят пять.

Однажды, впав окончательно в бедность, она решила пойти к сочинителю водевилей — не мог же он, думала она, позабыть ее улыбку. Он предложил ей двадцать франков. Она их взяла. У фельетониста, к которому она отправилась после этого, ее попросту не приняли; выйдя на улицу, она оглянулась на дом своего бывшего любовника и увидела в его окне малютку из кордебалета, успевшую с тех пор стать примадонной; та

узнала ее и весело смеялась. «Тощая швабра!» — прошептала Мариетта, — надо же было хоть чем-то отомстить! В другой раз, когда в ее старом дырявом кошельке оставалось всего десять су, она позвонила у дверей барона де Шальми. «Уж он-то человек приличный», — думала она. «Вы хотите поговорить с отцом?» — с любопытством глядя на нее, спросила совсем еще юная девушка, появившаяся за спиной лакея, как только тот открыл дверь. Старая грешница покраснела. «Нет, мадемуазель, — сказала она, — я ошиблась этажом».

Мариетта и Тирадритто жили той печальной жизнью, когда каждое утро удивляешься тому, что накануне удалось пообедать.

Существовала на улице Тур д'Овернь школа танцев, ею руководил какой-то отставной военный. Мариетта купила это заведение; денег у нее не было, она обещала заплатить потом. По вторникам она давала танцевальные вечера. Все знают, что такое эти вечера. За вход никто не платил, никто не обращал внимания на Тирадритто, с важным видом восседавшего на контроле; но около полуночи пили шампанское, и это приносило некоторый доход.

Мариетта стала сочинять балеты и сама же их исполняла вместе с наименее бездарными из своих учениц, ибо у нее были ученицы, только за уроки ей никто не платил. Как-то вечером она согласилась на то, чтобы в углу танцевального зала сыграли партию в баккара. С тех пор стали играть каждый вторник; некоторые игроки передергивали, пошли слухи, будто Мариетта входит с ними в долю, это была неправда; в общем — игорный дом. И однажды ночью нагрянула предупрежденная кем-то полиция, карты арестовали, а игроков выгнали на улицу.

Мужчины ругались, женщины хихикали; послали за фиакрами, и все отправились по домам, кроме Мариетты и Тирадритто, которые остались на улице по двум причинам: потому что касса была опечатана и у них не было денег, чтобы нанять фиакр, и потому что танцевальный зал, откуда их только что выдворили, был единственным их домом.

Было все это в феврале, на масленицу; моросил дождик, почти невидимый, вроде тумана, но дул сильный ветер. Мариетта была в розовом креповом платье, с белым шиповником в волосах, из-под короткой юбки виднелись ее все еще красивые ляжки. Зимние ночи тянутся долго. «Что ж нам теперь делать?» — спросила танцовщица. От холодного ветра у нее заоченели икры. «Пойдемте, — сказал Тирадритто, — тут неподалеку у меня есть один знакомый контролер танцевального зала при игорном доме, он впустит нас задаром, вы хоть погрееетесь».

Они пришли туда, однако контролер соглашался впустить их лишь при

том условии, что они поднесут ему стаканчик вина. «Идет!» — сказал Тирадритто. У него было много знакомых среди завсегдатаев подобных заведений, и он надеялся найти кого-нибудь, у кого можно будет занять двадцать су; он действительно встретил одного приятеля, и тот одолжил ему два франка, но когда вино было выпито и дело дошло до оплаты, вышло недоразумение с кельнером, и в результате их отвели в полицейский участок, где им пришлось заночевать.

— Как здесь грязно! — сказала Мариетта, входя в арестантскую. Невеселая то была ночь.

Есть неподалеку от укреплений, что у заставы политехнического института, богом забытые домишки, где ночуют нищие. В одном из таких домишек поселились теперь эти двое горемык. Мариетта сильно кашляла, потому что окна не закрывались; она спала с тела, ей было шестьдесят четыре года. «Вот будут у меня деньги, куплю себе зеркало», — говорила она.

На что они, собственно, жили? Гульельмо Тирадритто, который с раннего утра уходил из дома и возвращался только с темнотой, приносил иной раз несколько су. «Я взял в долг», — говорил он.

Однажды днем Мариетта, выйдя погулять по солнышку, вдруг услышала звуки аккордеона, доносящиеся со двора соседнего дома, — играли танцевальный мотив, тот самый, под который когда-то она танцевала перед Франческо д'Эсте, герцогом Модены; вздохнув, она улыбнулась этому воспоминанию и вошла во двор. Грязный, оборванный Тирадритто играл здесь на аккордеоне, отбивал такт костью, и время от времени взывал: «Подайте милостыню, дамы и господа, не оставьте бедного калеку!» Мариетта бросилась к нему на шею. «Играй! Играй еще!» — закричала она. И, приподняв двумя пальчиками свою выцветшую, рваную шерстяную юбочку, обнажив тощие, почерневшие старые ноги, из которых одна была без чулка, страшная, растрепанная, трясая лохмотьями, она стала танцевать тот забытый танец, секрет которого когда-то подсмотрела ее мать еще в те времена, когда была причастна к интригам двора Обеих Сицилий, — то сладостное па-де-шаль, что танцевала мисс Эмма Гарт в облике богини Гигиеи и о котором, будучи уже леди Гамильтон, еще вспоминала на интимных вечерах королевы Каролины Марии. Какая-то кухарка, проходя через двор, крикнула им: «Мерзкие обезьяны!»

С тех пор они стали побираться вдвоем — он играл, она плясала. Им подавали, потому что они были смешны. Мариетта смогла купить себе зеркало и баночку румян. Но ее простуда перешла в астму; однажды она

сказала: «Я больна» — и легла в постель. Наутро ей было уже лучше, а вечером она умерла от удушья.

Чтобы лошади, впряженные в траурные дроги, были украшены белыми плюмажами, требуется очень много денег. На лошадях, что везли Мариетту на кладбище, были белые плюмажи. Провожал ее один только Тирадритто, и так как накануне он сломал свой костыль, высаживая чью-то дверь, ему пришлось тащиться за катафалком, опираясь о колесницу двумя локтями.

При выходе с кладбища его схватили двое полицейских: накануне, высадив дверь в лавке одного ювелира, он украл там на пятьсот франков драгоценностей. Спустя два месяца его судили и, приняв во внимание, что ему семьдесят семь лет, приговорили вместо каторжных работ к тюремному заключению.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

...главнокомандующий австрийскими войсками в Италии... — Действие новеллы начинается после Венского конгресса 1814–1815 гг., на котором было реставрировано и закреплено расчленение Италии; Ломбардо-Венецианское королевство вошло в состав Австрийской империи; в других итальянских государствах: Королевстве Обеих Сицилий, герцогствах Модена, Парма, Тоскана и др. — Австрия господствовала почти безраздельно, держала там свои войска.

...брат короля Фердинанда... — Имеется в виду Фердинанд I (IV), король Обеих Сицилий, бежавший при вступлении французских войск в Италию; на Венском конгрессе был восстановлен в своих владениях.

Сам Франческо д'Эсте... — Имеется в виду Франциск IV д'Эсте (1814–1846), герцог Модены.

...мисс Эмма Гарт в облике богини Гигиен... леди Гамильтон... — Эмма, в девичестве Лайон, потом приняла имя Гарт (ок. 1761–1815), — английская авантюристка, в 1791 г. ставшая женой английского посла в Неаполе сэра У. Гамильтона. Играла видную роль в обществе, была в дружбе с неаполитанской королевой Каролиной Марией (1752–1814). Позднее вступила в любовную связь с адмиралом Нельсоном. В молодости участвовала в «выставке» авантюриста доктора Грэхема, где выступала в роли Гигиен (в греческой мифологии — богиня здоровья, дочь Асклепия. Изображалась в виде молодой женщины в тунике, со змеей, которую она кормит из чаши).

...членом высокой венты Алессандрии... — Ячейки тайного политического общества карбонариев именовались вентами. Низшие ячейки — так называемые дочерние и материнские — подчинялись высоким вентам, находившимся в крупных городах, таких, например, как второй по величине город Пьемонта Алессандрия.

...с маршалом Радецким... — Радецкий Йозеф (1766–1858), один из видных австрийских военачальников.